

С. ЧЕННЫК (СИМФЕРОПОЛЬ)

СРАЖЕНИЕ НА ЧЕРНОЙ РЕЧКЕ 4 АВГУСТА 1855 г.: АТАКА ГАЛИЦКОГО ЕГЕРСКОГО ПОЛКА – РУССКАЯ «ЛЕГКАЯ БРИГАДА»

Действительно, сражение на Черной речке 4 августа 1855 г. до сих пор едва ли не самая малоизученная страница Крымской войны. Тому есть несколько причин. Основная – минимальные результаты при максимально больших потерях. Вероятно, потому большинство современных исследователей кампании на Крымском полуострове предпочитает не затрагивать эту тему. Те же, кто пытается это сделать, рискуют получить клеймо «не патриота». Это сражение безо всякого излишнего преувеличения можно назвать трагедией русской армии. Даже предельно выдержанный, когда речь идет о русской армии и флоте, не допускающий резких выпадов против них (исключая, конечно, высшее руководство) академик Е.В.Тарле, говоря о сражении на Черной речке, именует его (и неоднократно!) не иначе, как «катастрофа».

ход: можно слышать такие термины, как «бойня», «резня»... (4) Барон Базанкур называет его итог «провалом». (5) Итальянцы называют сражение на Черной речке «истреблением» русских войск, а исход именуют «фатальным». (6) Современные американские военные историки, которых очень трудно заподозрить в симпатиях к союзникам, называют сражение на Черной речке «резней».

Библиографическим материалом для этой статьи послужили прежде всего «Описание участия 5-й пехотной дивизии в деле при р.Черной 4-го августа 1855 года» И.Кузьмина, изданные в Санкт-Петербурге в 1859 г. Кстати, к сведению тех, кто серьезно увлечен изучением Крымской войны: описание сражения на Черной речке в изданной Санкт-Петербурге в 2005 г. репринтной книге Н.Дубровина «349-дневная оборона Севастополя» есть не что

Полковой знак 20-го пехотного Галицкого полка. Утвержден в 1911 г.

легла едва ли не самая трагическая роль в сражении 4 августа 1855 г. на Черной речке, последнем полевом сражении Крымской войны. Это была одной из свежих частей прибывших в конце июня 1855 г., расположившись лагерем на р.Кача юго-западнее Бахчисарая.

3 августа дивизия в полном составе вышла около полудня на Мекенизевы горы, заняв место в интервалах полков 17-й пехотной дивизии. В предстоящем сражении она вместе с 4-й дивизией входила в главный резерв

Атака Галицкого егерского полка в сражении на Черной речке 4 августа 1855г. одна из малоизвестных страниц Крымской войны, о которой и прошлые и современные исследователи предпочитают не говорить... Хотя по своему драматизму она в некоторой степени превосходит харизматическую трагедию британской бригады легкой кавалерии при Балаклаве...

Участники и очевидцы боя более категоричны в своих мнениях, называя происшедшее «трагедией», как Н.И.Пирогов, или «бойней». Даже в ура-патриотическом сочинении «Оборона Севастополя» А.Погосского (1878 г.) оно определено как «несчастное». (1)

Иногда авторы стараются смягчить жесткую терминологию. В таком случае именуют его, например, «абсолютно ненужным сражением». (2) Хотя значительно более резкие характеристики у отечественных исследователей не редкость. Н.Эйдельман, отмечая, что вообще вся Крымская кампания недостаточно осмысленна, и «...мы не всегда понимаем, что произошло в Крымской войне, при обороне Севастополя в 1853-1855 годах», считает, что это и другие сражения были «...по существу, расстрелом русского войска». (3)

У французских авторов присутствует свой, оригинальный, присущий лишь им, под-

иное, как откровенный плагиат вышеуказанного источника, притом без каких либо ссылок на автора и участника сражения И.Кузьмина. По своей значимости эта книга может быть приравнена и к нашумевшему творению российского тележурналиста Леонида Парфенова «Война в Крыму – все в дыму», увидевшему свет в 2005 г., то есть совсем мизерному.

При общем умалчивании событий на Черной речке, действия 5-й дивизии менее всего известны исследователям. По странному стечению обстоятельств, а может по чьему-то умыслу «...в реляции о деле 4 августа едва упомянуто о 5-й пехотной дивизии, об начальнике той же дивизии генерал-майоре Вранкене, только сказано, при перечислении всех командовавших частями и управлениями...». (7)

Галицкий егерский полк вошел в Крым в составе 5-й пехотной дивизии, на которую

главнокомандующего. Помимо Галицкого егерского дивизию образовывали: Архангелогородский Его Высочества Великого Князя Владимира Александровича, Вологодский пехотные и Костромской егерский полки. Полк имел в строю своих четырех батальонов 2531 офицера и нижнего чина.

По плану штаба князя Горчакова, 5-я дивизия должна была начать спуск с Мекенизевых гор в сумерках («...около 8 часов» - И.Кузьмин) одновременно с 17-й, 12-й и 4-й дивизиями, имея с собой артиллерию, патронные ящики и лазаретные фуры. Однако, по всевозможным субъективным и объективным причинам причинам, усугублявшимся крутизной спусков и темнотой, а более всего отсутствием четкого планирования марша, движение было медленным. Это привело к тому, что «...очередь дошла до 5-й пехотной дивизии перед самым рассветом, и только около 5-ти

В.Симпсон. Сражение у Трактирного моста. Явный «лубок», вообще отличающий картины Симпсона.

часов утра пехота дивизии смогла собраться против нового редута и выстроиться в резервный порядок; артиллерия же едва поравнялась головою своею с Волчьим яром». (8)

В результате, при начале действий войск генерала Бельгарда, она едва только приступила к построению, «...три батареи, состоящие при пятой пехотной дивизии, еще не подоспели (спускались с Мекензиевой горы), им приказано было спешить». (9) Около 5.30 утра 4 августа 1855 г. личный состав Галицкого егерского полка услышал канонаду русской артиллерии, открывшей огонь по позициям союзных войск. Естественно, что все перемещения совершались с этого момента в суматохе и совершенно излишней поспешностью.

После удачных действий генерал-лейтенанта Липранди, 5-я дивизия получила приказ выдвигаться на усиление левого фланга русских войск. Генерал Вранкен, не дожидаясь своей артиллерии, вывел дивизию на Телеграфную гору, где остановился, ожидая дальнейших распоряжений главнокомандующего. Там он и услышал звуки внезапно начавшейся ружейной стрельбы, теперь уже на правом фланге, которая могла означать лишь одно – 12-я дивизия начала двигаться вперед. Вранкен «...приказал дивизионному квартирмейстеру капитану (ныне подполковнику) Кузьмину – проехав несколько вперед узнать причины этого». (10) Артиллерия дивизии – пушки из состава 5-й артиллерийской

бригады (батарея № 3 и легкие №№ 4 и 5 батареи) еще не дошли к месту боя.

Проехав к Черной, капитан Кузьмин убедился в том, что, действительно, «...Сколько можно было судить (что впоследствии и оправдалось), то это был штурм Федюхиных гор 12-й пехотной дивизией». (11)

Вскоре был получен переданный полковником Меньковым приказ главнокомандующего для 5-й дивизии: «...направиться к Каменному мосту и поступить в распоряжение генерал-адъютанта Реада». Дивизия незамедлительно начала спуск и в скором времени приблизилась к мосту, где застала ужасающую картину разгрома 12-й дивизии.

«Быстро подошла дивизия к Каменному столбу (миля) что по сию сторону моста и тут увидели остатки храброй 12-й дивизии, после блистательной, но несчастной атаки». (12)

Академик Е.Тарле утверждает, что «...Горчаков прислал в подмогу погибавшей 12-й дивизии 5-ю дивизию». (13) Однако более точным будет утверждение, что прибывшая на место развернувшейся трагедии дивизии, пришла уже не на помощь, а, скорее, на смену полкам 12-й дивизии, к тому времени расстроенным и уже выходившим из боя. Помогать было некому. Началась прелюдия грядущей катастрофы. Прошу читателя не упрекать меня за такое название положения, в котором оказалась 12-я дивизия генерала Мартинау и которое может иным показаться весьма рез-

ким. Но именно такой рисуют ситуацию очевидцы.

Горчаков пока не знал об этом. Отправляя 5-ю дивизию, он был более чем уверен в успехе атаки генерала Реада. Сообщение, что французы оставили предмостное укрепление и бегут, вселяло надежду на успех предприятия. Ни у Реада, ни у Горчакова не возникало подозрения, что этот «бег», есть ни что иное, как грамотный маневр, благодаря которому русские оказывались под сосредоточенным огнем пехоты и артиллерии. Это уже потом последний оправдывался, что с началом атаки считал дело проигранным.

«...Когда голова дивизии подошла к каменному столбу, который был весь исстрелян, то на минуту проглянуло солнце, как бы для того, чтобы осветить ужасную картину; брели остатки 12-й дивизии, - израненных вели под руки или несли на носилках, в числе других пронесли и храброго полковника Скюдери (командира Одесского егерского полка), который полулежал, полусидел на носилках; провели пленного зуава. Солдатики 12-й дивизии кричали слабым голосом: «Ребятюшки, выручайте, ведь они оканные, бежали от нас, мы уже были в лагере, да поддержать то некому было». (14) «Солдатики» оказались более прозорливыми, чем приведшие их на убой командиры. Поддерживать было уже некого. 5-я пехотная дивизия сменяла 12-ю на поле боя.

Дивизия вышла к реке Черной в седьмом

часу утра. К этому времени французы на всех участках отбросили русскую пехоту и вновь занимали оставленные ранее позиции. Времени они даром не теряли и пока русские готовили новую атаку на Федюхины высоты, принимали подкрепление, подходившее как с Сапун-горы, так и из других мест.

«Независимо от бригады Клера, усилившей дивизию Фоше, генерал Гербильтон направил в распоряжение генерала Каму бригаду Сенсье (7 батал.); пять конных батарей артиллерийского резерва полковника Форжо заняли позиции на Федюхиных высотах». (15)

По мнению французских историков вторая русская атака, еще не начавшись, была обречена на провал. К этому времени ситуация коренным образом изменилась. Генерал Камю выставил против 5-й дивизии всю свою дивизию, еще и усиленную артиллерией резерва. (16)

Командовавший французской артиллерией полковник Форжо, удачно разместивший батареи, добился того, что им удалось сконцентрировать огонь на русской пехоте, останавливая ее продвижение практически без помощи своей пехоты. (17) 5-ю дивизию готовились встретить не менее 5 батарей, способных просто усеять все живое, что рискнуло подняться на склоны высот, картечным дождем. Еще две батареи выдвигались к месту сражения. Но и это было далеко не все неприятности, которыми изобилует этот день для князя Горчакова и подчиненным ему войскам.

«Кроме того, как скоро генерал Пелисье узнал о наступлении русской армии, он тот час двинул к Федюхиным высотам Императорскую гвардию и дивизию Левальяна (5-я дивизия 1-го корпуса). Эти войска, вместе с дивизией Дюлака (4-я дивизия 2-го корпуса), готовились спуститься с Сапун-горы к месту боя. С переходом же 1-й бригады Сенсье дивизии Гербильтона на Федюхины высоты, дивизия генерала Ламотружа, стоявшая сперва фронтом к Корабельной стороне, расположилась на краю Сапун-горы, к стороне Черной. Дивизия де Ореля была готова стать в ружье. Шесть турецких батальонов, под начальством Зефер-Паши, двинулись на помощь к французам. Турецкая гаубичная батарея, поставленная Осман-Пашою на левом берегу Черной открыла огонь против наших батарей, действовавших против сардинцев с высоты над Чоргуном и д. Карловкою. Вместе с тем французы, в ожидании вылазки, зорко наблюдали за нашими движениями на Корабельной стороне». (18)

И кто-то будет утверждать, что французы не готовились к этому сражению, не знали о нем и были застигнуты врасплох?

Оценив обстановку, генерал Вранкен принял решение: атаковать горы всей дивизией,

при этом «...ручаясь за успех». (19) Вранкен не был в числе выдающихся военачальников Крымской войны, скорее наоборот. Но его, более соответствующее ситуации, намерение в категорической форме отклонил командир корпуса. Не сообразуясь с истинным положением дел, «...Реад резко ответил: «Не Вы здесь начальник, а я, извольте исполнять, что Вам приказывают». (20)

Вот уж действительно «коса на камень». Один готов кинуть без артиллерийской поддержки дивизию в бессмысленную атаку на уже закрепившегося и подтянувшего резервы неприятеля, а другой считает, что убивать собственных солдат нужно не всех сразу, а в порядке очереди. Генерал Вранкен, исполнительный и дисциплинированный начальник, выполнил приказ и начал перестраивать дивизию. Сразу же возникли проблемы, обусловленные слабой тактической подготовкой войск прибывших в Крым летом 1855 г.

«Боевой порядок, утвержденный главнокомандующим для дивизий составлявших Крымскую Армию был из пяти линий, первую линию коих составлял один из батальонов младшего полка дивизии в ротных колоннах, на таких интервалах, чтобы батареи между ними расположенные могли иметь до 30-ти шагов между орудиями: эта линия прикрывалась цепью штуцерников заблаговременно собранными от полков дивизии. Вторую линию составляли остальные три батальона младшего полка в батальонных колоннах к атаке, за интервалами между ротными колоннами, но не непосредственно против расположенных там батарей. Третью линию составляли четыре батальонные колонны 3-го полка дивизии. За этой линией 1-я бригада дивизии в резерве, также в двух линиях.

...Для удобства перестроения дивизии из резервного порядка в боевой, было принято составлять каждую линию резервного порядка из одного полка, имея головы батальонов на линии». (21)

Таким образом, роковой бросок пехоты в атаку поочередно полками был предопределен не столько ошибкой генерала Реада, сколько решением главнокомандующего русской армией в Крыму. Командир корпуса был не более чем лицом, выполнившим требуемые предписания. Он также, как и генерал Вранкен, беспрекословно выполнил отданный ему приказ, не смея возразить своему грозному начальнику. Не значит ли это, что часть вины за происшедшую трагедию должна лечь не только на плечи погибшего Реада, но и на князя Горчакова, навязавшего ему подобный способ употребления войск в сражении? Перестроение началась с путаницы, сопровождавшей все Чернореченское сражение. Учитывая, что всю Крымскую войну у русской армии были проблемы с маневрированием пехотных

подразделений, в условиях ограниченной видимости и сложного рельефа на Черной речке они выросли кратно.

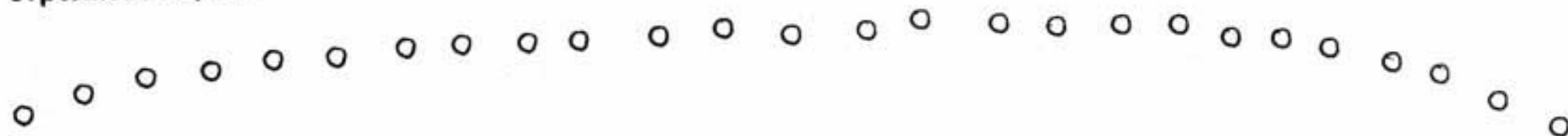
«...Так как этот боевой порядок недавно был изобретен, и 5-я пехотная дивизия однажды только пробовала его строить на позиции при р.Каче, то чтобы не случилось излишнего стеснения интервалов как между ротными, так и между батальонными колоннами, дивизионный квартирмейстер приказал означать жалонерами каждую из колонн. Взяв четырех жалонеров Галицкого полка, повел их вперед для означения ротных колонн, полагая по одному жалонеру на колонну». (22) Следует поправить подполковника Кузьмина. Боевой порядок, о котором он говорит, и в котором действовали почти все русские части на Черной речке, был не таким уж и недавним нововведением. Он был введен с учетом действий в сражениях при Альме и Инкермане. Опыт этих неудачных сражений подтвердил, что «...необходимость дробления, т.е. принятия боевой части единицы менее крупной, чем батальон, выяснилось Крымской кампанией». (23)

«В изданных в ноябре 1854 г. «правилах для руководства во время боя» командование признало, что «введение в армиях большого числа штуцеров и других ружей дальнего полета» требует несколько изменить «малую тактику пехоты». В частности, был переработан первый (основной) боевой порядок дивизии, состоящей из 16 батальонов и 3 артиллерийских батарей. Первую боевую линию образовывал 4-й батальон 4-го полка дивизии, построенный в линию ротных колонн с интервалами между ротами 150-200 шагов; в каждом интервале размещались 4 орудия. В 200-300 шагах позади разворачивалась вторая линия, состоящая из остальных трех батальонов 4-го полка в колоннах к атаке (за интервалами первой линии). Третья линия (3-й полк в полувзводных колоннах) строилась в 600 шагах за центром первой. Первая бригада дивизии и две батареи в резервном порядке располагались в 200 шагах позади третьего полка. Ротные колонны высылали вперед густую цепь, а при необходимости рассыпались в цепь целиком. Вторая и третья линии по возможности скрывались в неровностях местности. Колонны второй линии атаковали противника в штыки, третья линия служила резервом; задняя бригада использовалась для продолжения боевой линии или для решительной атаки». (24)

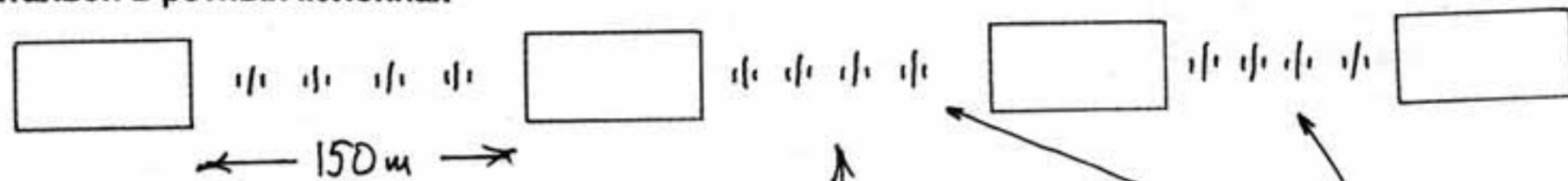
Практическое апробирование этого боевого построения успешно прошло задолго до Чернореченского сражения. «В таком боевом порядке, например, Волынский полк в ночь с 11 на 12 февраля 1855 г. прикрывал возведение Селенгинского редута перед Малаховым курганом в Севастополе: 4-й батальон стоял впереди в ротных колоннах (рассыпав в цепь

БОЕВОЙ ПОРЯДОК ГАЛИЦКОГО ЕГЕРСКОГО ПОЛКА В СРАЖЕНИИ НА ЧЕРНОЙ РЕЧКЕ 4 АВГУСТА 1855 Г.

стрелковая цепь

4-й батальон в ротных колоннах

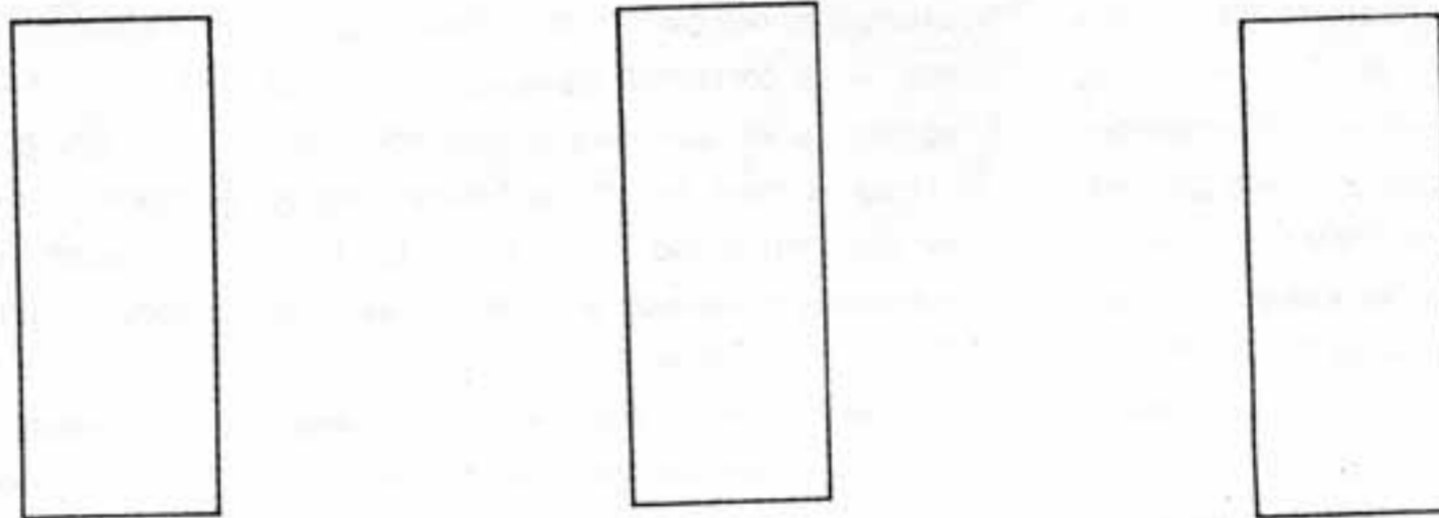

← 150 м →

↑ 150-200 м.

артиллерия
(4 августа 1855 г. отсутствовала)

1, 2, 3-й батальоны в колоннах «к атаке».

Примечание: даже не специалисту при взгляде на схему боевого порядка становится понятно, что его смысл в сочетании расчлененного строя и огня артиллерийской батареи. В сражении на Черной речке Галицкий егерский полк был брошен в атаку, не имея последнего элемента.

по взводу от роты), три остальных батальона в колоннах к атаке составляли вторую линию». (25)

К сожалению, большая часть войск, прибывших в Крым к августу 1855 г., усвоить его в полной мере и, тем более, испытать в деле не успела. Учиться пришлось под огнем, когда цена за плохо усвоенные знания была невероятно высокой. А в данном случае следует помнить, что все действия производились под неприятельскими выстрелами!

Перестроив дивизию, генерал Вранкен начал атаку силами Костромского полка, составлявшего вторую линию, но развернутого в линию четырех батальонов. 3-й батальон Галицкого егерского полка был развернут в ротные колонны. Полк находился в первой линии боевого порядка 5-й дивизии. Весьма странное решение. Но еще более странным выглядит его обоснование: «...полк этот составляли четыре батальонные колонны, но не три как Галицкий; кроме того, проведенный сквозь линии Галицкого полка, Костромской полк сознавал бы, что имеет за собою близкое

подкрепление; Галицкий же полк был бы возбужден чувством соревнования к товарищам, которым выпала честь производить первую атаку». (26)

С другой стороны, Вранкен понимал, что хотя Галицкий полк и развернут для действий в первой линии, его боевой порядок лишен важнейшей составляющей – орудий в интервалах между ротными колоннами. Очевидно, намериваясь двигаться по старой доброй традиции сомкнутыми строями батальонов «к атаке», он посчитал лучшим «худший» вариант – начать действия Костромским полком. Явно, что на решение командира дивизии повлияло отсутствие отставшей артиллерии. Наличие орудий – это очень важный элемент нового боевого порядка, именно в этом и состоял его смысл. Как подтверждение – прибытие батареи № 5 капитана Бороздина, сумевшей уже в ходе боя занять свое место интервалах рот Вологодского полка, позволило русским егерям прорваться почти до вершины Федюхиных высот.

Лишенный стрелковой цепи, построенный в линию батальонов Костромской полк с бара-

банным боем начал движение в атаку, сразу же попав под сильнейший артиллерийский огонь и выстрелы французских стрелков. Реад осознанно совершил тактическую ошибку, отвергая одновременные действия всех полков дивизии, он ошибся, находясь в полном уме и здравии, осознанно. Если еще можно подвергнуть сомнению решение корпусного командира об атаке Федюхиных высот, споря о том, была ли это его личная инициатива, или он выполнял волю главнокомандующего, облаченную в приказ, полученный им вероятнее всего в устной форме, то организация атаки 5-й дивизии говорит и о другом. Тактический просчет, выразившийся в абсолютно нелогичной организации атаки применительно и к местности и к обстановке – это целиком и полностью вина командира пехотного корпуса русской армии генерала Реада.

«...Генерал Реад приняв движение Костромского полка за атаку, вопреки своего указания, целую бригадою приказал остановить Костромской полк, не смотря на объяснения представляемые генералом Вранкеном,

что он, исполняя приказание Его Высокопревосходительства атаковать одним полком, атакует Костромским полком, а не Галицким по причинам выше изложенным. Генерал-адъютант Рead, не приняв во внимание доводов генерала Вранкена, приказал остановить Костромской полк и повести в атаку Галицкий». (27)

Вот тут уж не до шуток. Это не просто ошибка Реада, это более похоже на элементарную безалаберность последнего, основанную на банальном начальничьем самодурстве. Другого слова для определения приказа о смене уже находившихся под огнем противника двух равноценных по боевым качествам полков просто не удастся подобрать. Единственное, что еще может объяснить это, но только не оправдать – это военная неграмотность. Реад не мог понять, почему ему не удастся взять эти проклятые высоты, тем более, что противник каждый раз отходит, уступая и склоны и укрепления на них и перед ними.

А до того, что замедлился темп, наступательный порыв русской пехоты, вынужденной под сильнейшим огнем, когда картечные и ружейные пули вздымали такую пыль, «...как экипаж едущий по дороге» (28) унося на небо то одну то другую солдатскую душу, совершать бессмысленные строевые экзерциции, то, кажется, никому не было дела.

Полк быстро (этим вообще отличались действия русской пехоты на Черной речке), хоть и суматошно, совершил перестроение для действий в первой линии и начал наступление, имея перед собой густую цепь стрелков, за ними батальон в линии ротных колонн и вторую линию батальонов, развернутых к атаке. Обращаю внимание, что действия солдат при атаке Федюхиных высот в корне отличались от продемонстрированных Л.Парфеновым прыжков и перебежек с лестницей в руках, сопровождавшихся декламированием стихотворения Л.Толстого «На Федюхины высоты...». Та конструкция, которую мы видим в руках российского тележурналиста, пригодна в большей степени для того, чтобы залезть на чердак, но не для того, чтобы выдержать несколько десятков человек, которые должны пробежать по ней, при преодолении водного канала. Трудно сказать, кто из «научных» консультантов дал ему это сооружение в руки, но вот о его действительном предназначении почему-то никто не задумался...

Что касается Галицкого полка, то у егерей мостков не было. Предполагалось, что они перейдут канал по уже уложенным ранее.

В таком построении Галицкий полк «...не взирая на убийственный огонь вражеских стрелков занимавших ложементы, перешел Черную речку и водопроводный канал, оттеснил первые неприятельские линии, но не мог удержаться, опрокинутый подоспевшими

резервами...».

Противником Галицкого полка вновь стала бригада Фальи, вышедшая на берег канала и оттуда вевшая огонь по подошедшей русской пехоте. Зуавам и линейным пехотинцам пришлось снова повторить свои действия, и снова они оказались удачными. Не вступая в ближний бой, они отошли за гребень высоты, предоставив возможность расправы на устойчивой русской пехотой артиллеристам.

«Атаку возобновила новая масса стрелков, такая же мощная, как и предыдущая.

Генерал Фальи, вынужденный снова отступить, вернулся на позицию за хребтом и повторил свой маневр с прежним успехом». (29)

«...Страшный картечный и ружейный огонь встретил 5-ю дивизию, когда она в свою очередь стала подниматься на Федюхины горы. «Огонь был так силен, что над нами стоял как бы сплошной слой картечи и пуль». Князь Святополк-Мирский, к тому времени лежавший с пулей в груди у стенки предмостного укрепления, обратил внимание на существенно усилившийся обстрел русских войск. Один из выводивших его солдат сказал «...видите – настоящий ад». (30)

Такая плотность огня не удивительна. На Черной речке, как и ранее на Альме, французы успешно реализовывали базовый тактический принцип поддержки артиллерией пехоты, заложенный еще во время наполеоновских войн и применявшийся почти до конца XIX столетия – артиллерия сильна лишь при массовом ее применении. (31)

В отличие русской артиллерии, расчеты французских орудий чувствовали себя в относительной безопасности, по причине, не вошедшей еще в привычку русской легкой пехоты практики сосредотачивать свой огонь на батареях противника, поражая личный состав и ездовых лошадей. В силу этого французам удавалось весьма эффективно на дистанции 600-700 шагов, как и в эпоху наполеоновских войн, «...без помехи сметать пехоту картечью» (32)

Стрелковые же цепи, о применении которых столь любят упоминать некоторые «исследователи» Крымской войны, хоть и применялись на Черной речке более интенсивно, но не пользовались доверием со стороны полковых и дивизионных командиров. По мнению А.Свечина, при столь развитом в командной среде рутинерстве, «скептицизме сверху и пассивности снизу, - добиться расчленения боевых порядков, действия врассыпную, было невозможно». Большинство полков, прибывших в Крым «...великолепно проходившие церемониальным маршем, только прибыв на театр войны, за несколько дней до боя, впервые начали обучаться высылке стрелковых цепей». (33)

«Двинутый в атаку Галицкий полк, будучи встречен сильнейшим артиллерийским и ружейным огнем неприятеля, занимавшего на высотах ложементы, перешел Черную речку и водопроводный канал, но остановился у подошвы Федюхиных высот, перестреливаясь с неприятелем. Понеся огромные потери, он не мог долго удержаться на левом берегу, и был опрокинут подоспевшими свежими французскими войсками». (34)

Удержаться, а уж тем более взять высоты полк не мог. Французы вели по нему не только фронтальный огонь, но и обстреливали его фланги. Не способствовали поднятию боевого духа и усеянные телами убитых и раненых солдат 12-й дивизии склоны.

«Отступив на правый берег, Галицкий полк выстроился Костромским полком». (35)

Одна деталь, которой оправдывался отход егерей, была почти детективной. «Отступление Галицкого полка стало причиной также и то, что неприятель три раза сыграл наш сигнал «все» и «отступление», а последний раз наоборот, т.е. «отступление», а потом «все». Что это было играно неприятелем можно было отличить только потому, что сыграно было артистически; но на массу, привыкшую слепо исполнять по сигналам, это подействовало положительно и полк отступил. Но для некоторых, не послушавших сигнала, это было губельно: в числе прочих поручик Галицкого полка Чагадаев, бывший впереди при ротных колоннах, не исполнил по сигналу сыгранному неприятелем и был окружен восемью зуавами, у него было солдатское ружье, он положил четырех из окруживших его зуавов, но остальные четыре подняли его на штыки». (36)

Странно знакомая ситуация. Аналогичный случай произошел, якобы, с английской пехотой на Альме 20 сентября 1854 г. При том значении, которое, действительно, имели исполняемые сигналы для войск можно и предположить, что так оно и было. Но, опять-таки, каждый сигнал должен был дублироваться в соответствии с порядком подчиненности и уж отличить сигнал, раздавшийся в тылу, от звучащего перед фронтом можно было. Вполне может быть, что противники во время Крымской войны использовали сигналы для введения неприятеля в заблуждение, особенно учитывая то значение, которое имело знание сигналов для управления войсками в боевой обстановке.

«Галицкий егерский полк... разбился о бригаду Фальи, поддержанную полками Клера. Новые подкрепления, присланные в распоряжение генерала Камю, и 8 батарей, расположившихся на Федюхиных высотах, громили вводившиеся в бой по частям полки нашей 5-й дивизии». (37)

Что пришлось выдержать галицким егерям, можно представить по тому, что возгла-

Поле сражения на Черной речке. Акварель капитана Г.Клиффорда. Чувствуется рука профессионала. Автор отлично показал действие пушечного ядра по сомкнутому строю русской пехоты.

вивший атаку полка командир бригады генерал-майор Проскуряков был ранен в самом начале атаки. Когда он начал слабеть от потери крови, его адъютант поручик Красовский убедил его уехать в тыл на перевязку.

«...повернув лошадь, он взял в левую руку поводья обеих лошадей, а правой рукой поддерживал Проскурякова на седле; на этом пути следования Проскуряков получил еще три раны в челюсть, в плечо и в ногу; лошадь была прострелена насквозь в поперек туловища, но довезла до места, но как только отпустили ей подпруги то пала». (38)

Ну а к чему привели все эти перестроения под огнем в стиле «а ля гвардия Наполеона», возможно судить потому, что когда пришла очередь (опять по приказу генерала Реада!) Костромскому полку идти в огонь, то к тому времени «...огромная потеря в офицерах и нижних чинах от неприятельского артиллерийского и штуцерного огня была столь велика», что атака полка «...не могла иметь и не имела успеха». (39)

Не сделав ни единого выстрела по неприятелю, находившийся во второй линии Костромской пехотный полк терял людей, но не терял мужества и доблести.

«...Командир 2-го батальона майор Соколов был пешком; когда повел свой батальон, то тотчас был ранен в левую руку выше локтя: флейщик или горнист, бывший при нем, предлагает отвести его на перевязку; но майор Соколов, приказав ему молчать, зажимает правой рукой рану. Вслед за тем получает еще две раны одну в живот, другую в грудь: падая, - кричит - сказать капитану Шайтарову, чтобы принял команду батальоном! Капитан (впоследствии майор, теперь подполковник в отставке Шайтаров, бывший командиром 2-й

карабинерной роты, едва вышел перед батальоном, был ранен пулей в левый пах, которая пронизывает насквозь и вылетает сзади с правой стороны». (40)

Французы удачно использовали сочетание действий артиллерии и пехоты. Крымская война, первая в которой нарезное оружие употреблялась массово, сделала огонь пехоты если не превосходящим по значению огонь пушек, то, по крайней мере, сблизила их по эффективности. Этим объясняется большое число убитых и, особенно раненых в сражении на Черной речке.

«Распространение в пехоте нарезного оружия окончательно освободило ее от необходимости стрелять в пределах действия артиллерийской картечи, а батареям оставалось одно средство: поражать стрелков картечными гранатами». (41)

В отличие от войн начала XIX в., сражение на Черной речке стало одним из первых, где потери от огня стрелкового оружия стали сопоставимыми с потерями от орудийного огня.

«Под Инкерманом, в 1854 году, в общем числе наших раненых 91% составляли пострадавшие от ружейного огня, а при Черной, в августе 1855 года, не смотря на то, что вследствие ошибки, наши войска особенно потерпели от французской картечи, число раненых дошло до 75%...». (42)

4 августа 1855 г. французская артиллерия собрала высокий урожай смерти. В общей сложности ею было выпущено в этот день более 4000 зарядов. Около половины из них были гранаты, примерно 1500 ядра, остальное - ближняя и дальняя картечь, шрапнель. И это не учитывая орудия сардинцев, обстреливавших русскую пехоту с близлежащих батарей, развернувшихся на склонах горы Гас-

форт. Принимая во внимание относительную кратковременность сражения, и сопоставляя с ней количество выпущенного из орудийных стволов металла за единицу времени, можно поверить, что Э.Тотлебен не кривил душой, цитируя одного из участников сражения:

«Около Черной был ад. От густого порохового дыма нельзя различить предметов. Пули, ядра и гранаты падали в таком изобилии, что опасность и мысль о смерти казались неуместными: смерть гуляла повсюду». (43)

Если пехота союзников в сражении обошлась почти без использования резервов, то лишь благодаря тому, что артиллерия была введена в сражение полностью, включая некоторые из батарей главного артиллерийского резерва (например, 3-я батарея 15-го полка у восточной Федюхиной горы).

Пелисье после сражения отметил, что именно благодаря, во многом, доблести артиллеристов была достигнута эта победа. Французский командующий вообще считал, что Чернореченское сражение - сражение артиллерии. В своем приказе после сражения он говорил: «Я должен отметить квалифицированное руководство полковника Форжо и прекрасное поведение артиллерии дивизий и гвардейской артиллерии». (44)

Но и цена, которую заплатили французские артиллеристы была немалой. Артиллерия потеряла убитыми и ранеными 8 офицеров, 116 сержантов и солдат. Из состава орудийных упряжек недосчитались 152 лошадей.

Французы использовали артиллерию по основополагающему принципу применения гладкоствольных орудий первой половины XIX в. В его основе лежало «...сосредоточение, преимущественно в последний период боя, значительного числа орудий на решительном пункте». (45) Это было обусловлено слабостью артиллерии на дальних дистанциях и максимально эффективным огнем на близких дистанциях, особенно при стрельбе ближней картечью на 500-600 шагов. Вот почему полковник Форжо, руководивший действиями французской артиллерии в сражении на Черной речке, по сути дела решил исход боя массированием ее на одном участке.

Одной из многочисленных причин неудач русских в этот день было и сужение фронта наступления. После неудачной атаки 7-й и 12-й дивизий, подошедшая 5-я дивизия не только не смогла развернуться на прежнем фронте, что естественно, но и до минимума сузила свой, бросая полки один за другим. Командир дивизии французов генерал Камю не преминул возможностью воспользоваться этим. Два полка бригады Вимпфена - 50-й линейный и 3-й зуавский, обрушились на правый фланг русских. Что там произошло - не будучи очевидцем, судить трудно. Очевидно, французская пехота подошла вплотную или

достаточно близко к русским и открыла огонь им во фланг. В данном случае задымленная и скрытая утренним туманом местность сработала на руку союзникам. Благодаря фактору внезапности французам удалось удержать русских численно меньшими силами. Можно отметить, что французы не выводили полки из сражения. Некоторым из них (50, 82, 95, 97-му линейным, 2 и 3-му зуавским) приходилось атаковать русских по два-три раза.

Решение командира дивизии генерала Камю, отказавшись от лобовых контратак, наносить удары во фланг русским батальонам, действуя вдоль склона французские историки считают едва ли не решающим. В результате, когда дивизия Эрбилона уже теряла позиции, «...положение требовало принятия немедленного решения. Генерал Камю его принял...». (46) Он направил 82-й линейный для отвлекающего удара в лоб наступающей русской пехоте, а 50-й, выждав момент, когда началась перестрелка между русскими и 82-м полком, атаковал с левого фланга позиции Эрбилона вдоль склона Федюхиных высот.

Биографы генерала Камю утверждают, что именно благодаря тому, что он сохранил в решающий момент присутствие духа и вовремя ввел в бой резервные батальоны, последующие атаки русских не имели успеха и сражение было выиграно. (47)

Сам Камю очень высоко оценил действия полков бригады Вимпфена. В своем письме генералу Боске, с которым был очень дружен и от которого принял под командование 2-ю дивизию, он говорил, что 50-й линейный во главе со своим командиром полковником Дуэ «храбрым, стойким и выдающимся офицером», 82-й линейный сражались на Черной речке не хуже, чем при Инкермане. (48)

Во время этой атаки и был убит генерал-майор Веймарн, начальник штаба 3-го пехотного корпуса. Его тело вынес адъютант ротмистр Дмитрий Аркадьевич Столыпин, контуженный при этом. Впоследствии, будучи уже известным общественным деятелем России, он не раз вспоминал этот эпизод, как одно из самых трагических мгновений своей жизни. Он был одним из трех Столыпиных, воевавших под Севастополем. Один из них впоследствии стал адъютантом князя Горчакова, своего будущего тестя.

Командир 5-й пехотной дивизии генерал-майор Вранкен был вскоре ранен и передал командование дивизией командиру 1-й бригады генерал-майору Тулубьеву. Последний, как и предшественники, также недолго оставался не отмеченным неприятельской картечью пулей.

Первый натиск на Федюхины высоты не принес успеха. Галицкий полк, только что вышедший из под обстрела, подсчитывал убыль в личном составе, и перестраивался. Ущерб

был огромный. За время первой атаки полк потерял выбывшими из строя командира полка, трех командиров батальонов (из четырех), большое количество обер-офицеров и нижних чинов. Единственным находившимся в строю старшим офицером был командир батальона майор Чертов и тот контуженный в ногу. Потерявший лошадь он стоял возле строя остатков своего батальона, когда поступил приказ генерала Реада полку повторно идти на штурм склонов Федюхиных высот. Приказ был передан дивизионным квартирмейстером, который не найдя никого из командования полка лично приказал барабанщикам бить сигнал «Атака».

То, что произошло дальше можно внести в летопись доблести русской пехоты и поставить на одно из первых мест по значению среди подвигов совершенных солдатами разных стран и народов во время этой войны. Как патриот, я склонен ставить его значительно выше, чем чужую нам атаку британской легкой кавалерии под Балаклавой. По крайней мере, выйдя потрепанной из боя, второй раз она атаку не повторила. Да и, наверное, не смогла бы...

А вот Галицкий полк, выстрадав, наверное, значительно больше чем британские кавалеристы, эту атаку повторил... В сражении на Черной речке этот полк, да и не только он, подтвердил характеристику императорской армии того времени, «...блеснувшей под Севастополем своей стойкостью, но еще пропитанной мышлением и техникой Николаевской эпохи, и устаревшей, как устарела и отстала от времени крепостническая Россия середины XIX века», данную ей генералом А.А.Свеченым. (49)

Это довольно редкое событие для войн середины XIX века, когда, как правило, вышедшие из огня подразделения выводились во вторую линию, сменяясь резервами, а не использовались для проведения повторных атак. Но в каждом правиле есть свои исключения. Под командованием контуженного майора Чертова «...батальоны пошли вперед, ... вновь перешли Черную речку и водопроводный канал – потеснили неприятеля, но ослабленные первой атакой и значительную потерю в людях от ружейного и артиллерийского полка, не смогли устоять против многочисленного неприятеля». (50) Судя по описаниям, батальон был построен в батальонные колонны «к атаке», но вряд ли они были к тому времени числом более ротных. Что особенно поражает в этом эпизоде боя, это, по свидетельствам очевидцев, крайне незначительное число нижних чинов под различным предлогом оставивших строй. Бывшие на поле сражения офицеры единодушно констатируют, что многие солдаты, отводившие раненых, потом вновь спешили занять свое место в строю.

В других полках, наоборот, убыль была

Рядовой пехотного полка. 1855 г. Хотя этот вариант формы одежды и был утвержден в мае 1855 г. маловероятно, что Галицкий егерский полк успел получить его к сражению на Черной речке. Потому облик русского пехотинца в этот день не сильно отличался от облика основной массы войск, уже находившихся в Крыму.

Солдатская пуговица. Галицкий егерский полк. 1855 г.

не только за счет потерь, сколько по причине того, что много солдат, вынеся или выведя раненых за строй, уже не спешили в него возвращаться. Прискорбно, но именно об этом также свидетельствуют участники. В какой-то степени этому способствовало то, что музыканты, на которых обычно возлагалась задача выноса раненых, были оставлены главнокомандующим, по причине, якобы, не надобности, в тылу.

По воспоминаниям Н.Кузмина после того, как полки вышли из боя и были переформированы в двухбатальонный состав, «...эти сводные батальоны были слабее, нежели вступили в дело». И причина здесь не только в потерях от вражеского огня.

«Обстоятельства бывшее причиною того,

что полки были ослаблены более, нежели действительно было убитых и ранеными, было то, что музыканты, которым приказано быть с носилками, равно медики с перевязочными средствами были отправлены в долину Шули, а для выноса раненых надобно было брать рабочих из фронта, которые потом редко возвращались в строй. По той же причине, многие из офицеров 5-й дивизии попались в плен; это были раненые оставшиеся на поле боя (их полагали мертвыми). И действительно, из не раненых ни кто не был в плену: некоторые из них умерли от ран, некоторые выздоровели и многие возвращены без размена: так они были изувечены. Носильщики и медики от 4-й, 5-й и 6-й дивизий имели работы над тремя контуженными офицерами и десятью ранеными нижними чинами: это вся потеря понесенная отрядом генерала Бельгарда». (51)

Признавая это, не будем столь строги. Подобное явление характерно для войны. И не только для Крымской. Это вполне естественно потому, что любым участником сражения прежде всего движет желание остаться в живых. Инстинкт самосохранения является основным из поведенческих инстинктов на поле боя. Он может быть в некоторой степени снижен состоянием прострации или возбуждением от алкоголя, но не может исчезнуть вовсе. В некоторой степени снижает его и массовость, свойственная боевым порядкам начала и середины XIX в. Она еще и облегчала управление своим личным составом командирам. Потому и опасались рассыпного строя, что он предполагал ослабление контроля за нижними чинами со стороны офицеров. Это было характерно для командования всех воюющих сторон, считавших, что «...пока находящийся в огне чувствует, что начальник обращает на него внимание, он и действует храбрее, и с большей готовностью подчиняется обстановке, сопровождающей серьезный бой; но с приближением опасности и смерти, обычный порядок изменяется: начальник направляет свое исключительное внимание на неприятеля; войска спешат ему навстречу; солдат видит впереди смерть, а близ себя удобное закрытие, и исчезает в нем; следующие за ним войска принимают его за раненого; потом, ежели он почестнее, то старается быть полезным вне сферы огня, подбирая раненых, сопровождает пленных и т.д.

Менее честный обращается в мародера. Вот обстоятельства, объясняющие значительное уменьшение численности рядов в частях, находящихся в серьезном огне, и увеличение их на следующий день...». (52)

Конечно, полк не мог выполнить задачу. Но, одно лишь то, что он поднялся вновь на скаты Федюхиных высот, усеянные трупами и телами раненных, свидетельствует о порыве,

свойственным русским пехотинцам на Черной речке. Ранее приведенный пример с поручиком Галицкого полка Чагдаевым говорит очень много о стремлении добраться до неприятеля, овладевшем всеми чинами полка.

Ситуация была не в пользу русских. К моменту начала атаки Галицкого полка, да и всей 5-й дивизии, огонь по нему велся уже не двумя батареями французов. В дело вступили и сардинские артиллеристы. Их более дальнобойные орудия с прилегающих к Федюхиным высот буквально засыпали наступающих гранатами. Недаром Фридрих Энгельс высоко оценил роль в сражении при Черной речке именно пьемонтских артиллеристов, которые поняв, что им не угрожает более фронтальная или фланговая атака противника, переключились на истребление русской пехоты на юго-восточном склоне Федюхиных высот и, нужно отдать им должное, в этом деле весьма преуспели. Тем более, что условия стрельбы для них к этому времени стали едва ли не полигонными. Видимость была отличной, к этому времени уже полностью рассвело, и от них требовалось лишь поддерживать наибольший темп огня. А это они умели делать в совершенстве. О гибкости огня артиллерии союзников можно судить по его результатам. Если внимательно посмотреть на погибших военачальников корпусного, дивизионного, бригадного и полковых звеньев соответственно, то по воспоминаниям очевидцев прослеживается динамика их поражения, в зависимости от места нахождения: ядро – осколок гранаты – картечные пули.

С правого фланга непрерывно обстреливали полк французские пехотинцы 3-го зуавского, 50-го линейного и 82-го линейного полков. Создавая угрозу окружения для нескольких фланговых рот русской пехоты, они принуждали их к отходу. Этот маневр Вимпфена, в результате которого «... его войска двигались по середине склона параллельно каналу, отрезали русских от реки и взяли много пленных». (53)

Весьма важно понять, что французы контратаковали русских не в лоб, а во фланги, давая возможность собственной артиллерии непрерывно обстреливать неприятеля, лишая русских возможности развернуть фронт.

Потеряв почти всех еще оставшихся в строю офицеров и множество нижних чинов, Галицкий пехотный полк вышел из боя, сохранив честь русской пехоты. Полному или почти полному истреблению полка препятствовало то, что густой туман, хоть и начавший рассеиваться, но спустившийся к подножию высот, укрывал русские войска и не давал возможности французским артиллеристам вести прицельный огонь.

Современный британский исследователь Крымской войны Джон Бархэм выделяет особо

доблесть Галицкого полка в Чернореченском сражении, стая его много выше по сравнению с другими участниками сражения. Он называет его пехотинцев «настоящими героями» трудного дня 4 августа 1854 г. Трудно не согласиться...

Определенные обоснованные претензии можно предъявить и к русской артиллерии, которая все сражение практически не меняла позиций. В отличие от того же Альминского сражения, ее поддержка пехоты была организована отвратительно. Вместо того, чтобы поддержать пехоту своими действиями по отступающему противнику, как то требовали уставные предписания, выдвинувшись к наступающим порядкам, артиллерия ограничивалась ведением малоэффективного огня с однажды занятой позиции.

Да и мог ли Галицкий егерский полк решить судьбу сражения? Безусловно, нет. К моменту начала его атаки тщетная надежда на победный исход сражения стала затухать, жертвенность единственного полка никак на него не влияла.

Галицкий полк стал не одним, проявившим проявил в этот день доблесть, но ему единственному удалось сделать это дважды, подтвердив лишний раз небезосновательное французское уважение к русским, как к серьезному, грозному и опасному противнику. «Пройдитесь по департаментам Франции ... и спросите жителей..., какой солдат из войск противника постоянно проявлял величайшую человечность, строжайшую дисциплину... Можно поставить сто против одного, что вам назовут русского солдата». (54) Как не согласиться, говоря о Чернореченском сражении, с этими словами Ф.И.Тютчева, сказанными перед Крымской войной.

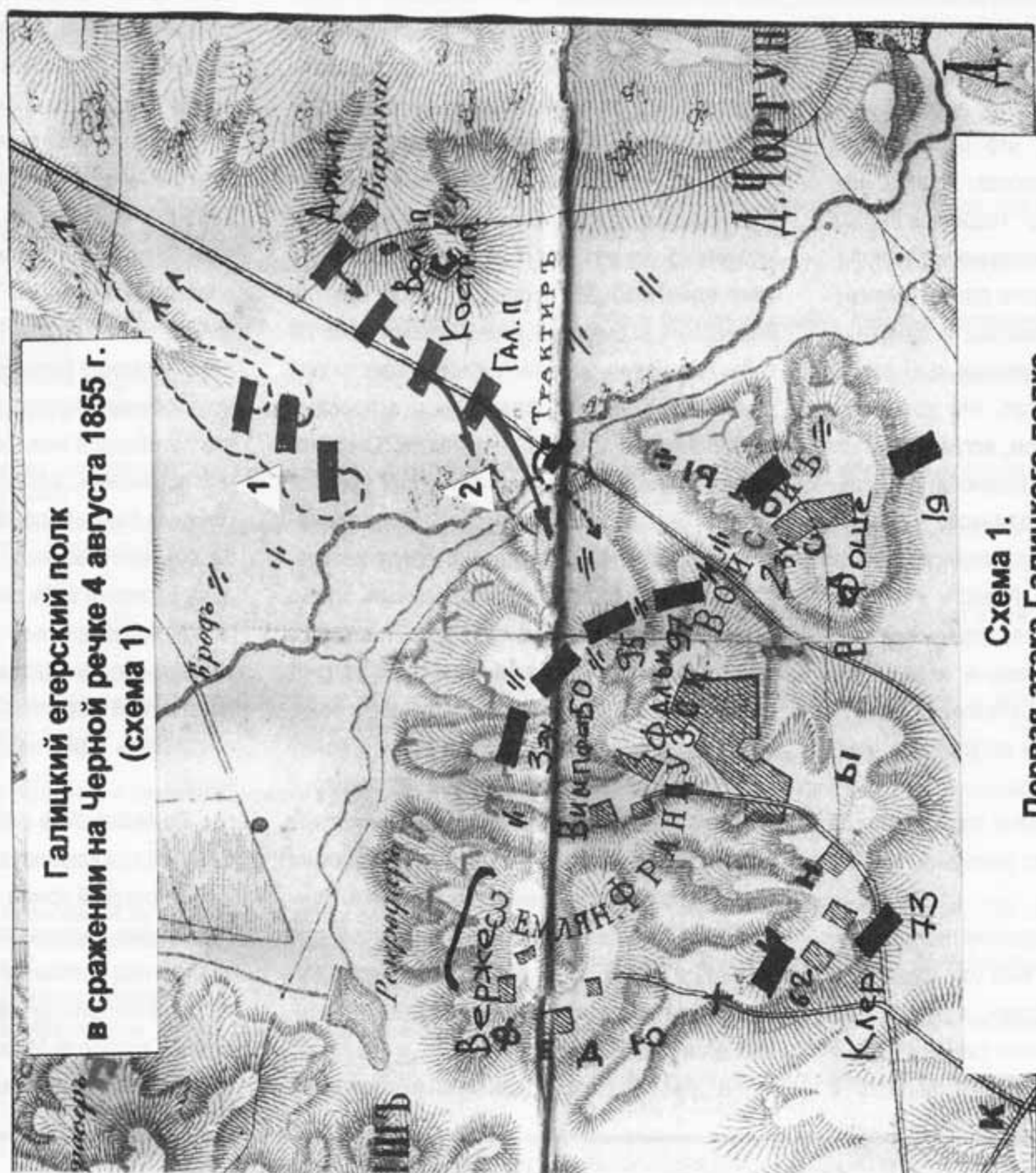
Затруднительно понять логику мышления генерала Реада, приказавшему Галицкому полку вновь идти в атаку. Вероятнее всего, что корпусной командир в эти минуты уже не думал ни о чем. Для него стала очевидной вся бесплодность предприятия. Когда квартирмейстер дивизии подъехал к нему с докладом, что три атаки высот захлебнулись, генерал-майор Реад получил приказ князя Горчакова атаковать высоты силами всей дивизии. К этому времени из 5-й пехотной дивизии осталась лишь одна бригада, 1-я генерал-майора Тулубьева – Вологодский и Архангелогородский полки.

Не задумываясь, им был отдан приказ на атаку для Вологодского пехотного полка. К этому времени подошла опаздывающая артиллерия дивизии. Однако ее присутствие не могло исправить ситуацию. Нет смысла детально описывать происшедшее с этим полком, оно копировало то, что было ранее. Единственным различием было только то, что два батальона вологодцев были направлены правее. Но и там

СРАЖЕНИЕ НА ЧЕРНОЙ РЕЧКЕ 4 АВГУСТА 1855Г.

ДЕЙСТВИЯ ГАЛИЦКОГО ЕГЕРСКОГО ПОЛКА В СРАЖЕНИИ.

(Схема выполнена на подлинной русской карте обстановки в Крыму на май 1855г.)

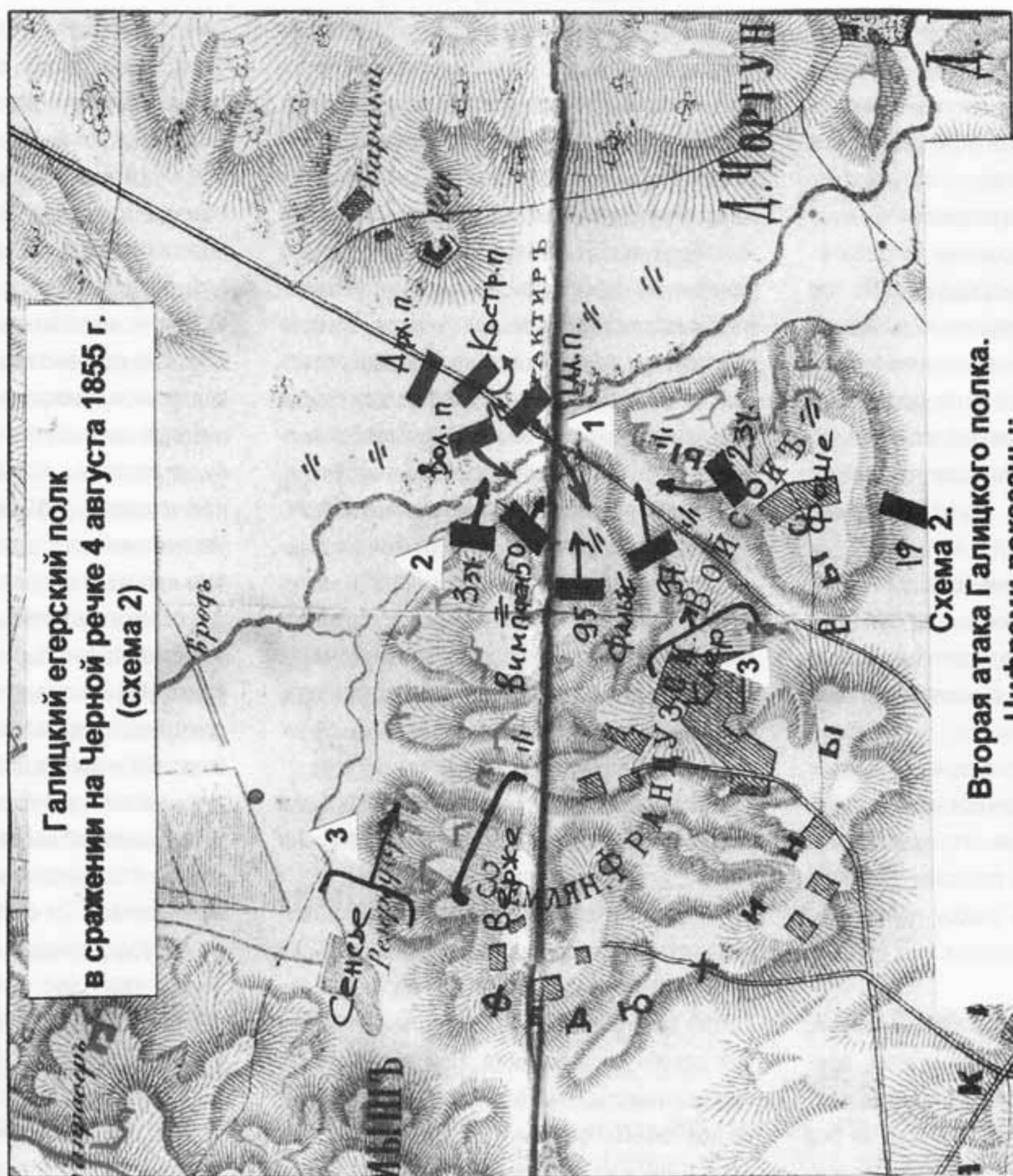

Галицкий егерский полк
в сражении на Черной речке 4 августа 1855 г.
(схема 1)

Схема 1.
Первая атака Галицкого полка.

Цифрами показаны:
1.Отход 12-й дивизии.

2.Направление атаки Галицкого егерского полка.

Галицкий егерский полк
в сражении на Черной речке 4 августа 1855 г.
(схема 2)

Схема 2.
Вторая атака Галицкого полка.

Цифрами показаны:

- 1.Направление второй атаки Галицкого егерского полка.
- 2.Атаки французской пехоты во фланг.
- 3.Подход французских резервов

они наткнулись на сопротивление французской пехоты, которая, прикрываясь шквалом огня, вынудила вологодцев к отступлению.

Нельзя отказать командиру корпуса в личной храбрости. Все это время он находился под обстрелом и до последних мгновений своей жизни, хоть и совершенно неправильно, но пытался руководить сражением. То, что он до этого времени оставался живым было более случайностью, чем закономерностью. Плотность неприятельского огня была таковой, что когда «...дивизионный квартирмейстер, подъехал к нему с докладом, то граната упала в нескольких шагах перед мордой его лошади». (55)

Генерал Тулубьев, ранее бывший командиром Вологодского полка, «...хотел сам вести его на штурм; но, сделав несколько шагов вперед, - был опрокинут с лошади сильной контузией в грудь» (56)

Положение Вологодского полка, как и его предшественники ворвавшегося на высоты, и также никем не поддержанного, усугубилось тем, что к этому времени подошли французские резервы, создавшие угрозу полку оказаться отрезанным от основных сил русской армии.

То, что произошло с Вологодским полком, да и саму картину бессмысленных атак, прекрасно описал командир 4-го батальона полка майор Медников, который и вывел из боя остатки полка. К его рассказу нечего дополнять, он наглядно демонстрирует происшедшее у подножия высот.

«...Майор Медников с такой простотой и наивностью рассказывал потом о своих действиях и распоряжениях, что мы полагаем уместным привести его рассказ. Лошадь его, совершенно изувеченная, тащилась назад еще прежде получения приказа о направлении на штурм Вологодского полка. Дивизионный квартирмейстер, товарищ и однокашник Медникова, узнал его лошадь и видел ее всю расстрелянную, полагал, что хозяин ее уже не существует. Но потом, когда он проверял батальоны дивизии, отведенной несколько назад ... то, встретив Медникова в живых, рассчитывающего полк, обрадовался ему как воскресшему из мертвых. Радость эта была взаимная. Но как ты уцелел, спрашивает его дивизионный квартирмейстер, я видел твою лошадь, расстрелянную вдребезги.

- благодаря лошади я и остался цел, вместо меня попадали в лошадь.

- Но как же ты сохранился того, ведь твой батальон был впереди всех; расскажи, как что было.

- Когда ты передал нашему полку, чтобы он шел на штурм, то я был уже пешком, в одной руке у меня был кистень, в другой кинжал: это повернее форменной сабли.

Когда мы пошли, то чтобы попасть к

мосту, батальон принял вправо и немного опередил третий батальон, тут я крикнул ура! и мы заняли ров мостового укрепления. Надобно было немного отдохнуть: стрелять было нельзя ни нам, ни французам: те кидают в нас камнями, мы в них тоже, - отдохнув минуточку, я говорю, что за перекидка камнями, подсаживай друг друга прикладами... как посадили человек десяток, я велел посадить и себя. Потом живо мы взобрались все, но французы не дожидали долго, - живо подрали в горы, а мы за ними. Как взобрались до половины, то я опять приостановил своих, чтобы перевести дух, крепко были уставши. Посмотрел, а кучка то у меня совсем небольшая, всего человек 250, много что 300, а тут четыре колонны выдвинулись и хотят нас отхватить, нет, думаю, дудки, взглянул назад - наши не подходят, нет, я и начал отступать, отстреливаясь, да вот и все тут.

- Все-таки чудо как ты уцелел.

- Какое тут чудо, у меня в карманах были бинты на всякий случай и портмоне, так они мне все в портмоне стреляли, посмотри.

И действительно, шинель была прострелена четырьмя пулями против кармана. (57)

Судя по этому описанию, французская пехота не стремилась стойко отстаивать «любой ценой» свои позиции. При приближении русской пехоты, она оставляла их и отходила под завесой ружейного и артиллерийского огня. Взойдя на высоты, русские оказывались не только под картечными выстрелами и пулями стрелков, но и под огнем подразделений линейной пехоты, плотность которого делала невозможным дальнейшее движение вперед.

Современные военные историки считают, что подобная тактика была не типичной для французской пехоты, как и русской во многом упивавшей на штык, и со времен наполеоновских войн любившей решать исход схватки переходом в ближний бой. Однако само по себе пассивное ведение осады Севастополя привело к тому, что французы и в полевых сражениях стали вести себя также. Стараясь не доводить дело до крайности, они предпочитали оставлять между собой и противником пространство в несколько сотен метров, надежно перекрывавшееся ружейным огнем. Стремление создать наибольшую плотность такого огня, что было возможно лишь за счет уплотнения боевых порядков, привело к тому, что в следующую за Крымской войной войну с Пруссией французская армия встретила с уставом, предполагавшим еще более плотные строи пехоты в бою. Не умение правильно распорядиться огромным практическим опытом Крымской кампании свело к нулю всю лихость и ярость французских атак перед высоким темпом стрельбы немецких казнозарядных винтовок Дрейзе. (58)

В данном случае говорить о численном

превосходстве не имеет смысла, ибо оно не было реализовано грамотным тактическим использованием войск генералом Реадом, бросавшим их на высоты по одному полку и на относительно узком участке фронта. Возможно, что корпусной командир, не будучи в состоянии правильно и здраво оценить обстановку и, видя, как его пехота каждый раз врывается на неприятельские позиции, безосновательно основываясь только а собственном зрительном восприятии обстановки, считал, что еще одна атака, еще один полк и фронт будет прорван... Когда же Галицкий полк начал отходить, по «сложившейся традиции» Чернореченского сражения ему на помощь был направлен Вологодский полк, но это уже не спасло положения.

Если попытаться сделать элементарный временной расчет, то получается, что каждому полку удавалось побыть под огнем не более 30 минут, а большинству много менее того, но если это переложить на понесенные за столь малое время потери, то образ катастрофы становится еще более ужасным. Трудно не согласиться со словами русского генерала А.Н.Куропаткина, адресованными русской пехоте после русско-японской войны: «Но у нас была и сильная сторона: мы не боялись умирать и лишь просили указать нам для того точное место».

О мощи огня французов, говорит тот факт, что Архангелогородский Его Императорского Высочества Великого Князя Владимира Александровича полк, ни разу не ходивший в атаку на высоты, потерял от неприятельского огня 168 нижних чинов. (59) Кстати, с 1846 по 1848 гг. этот полк носил имя Короля Сардинского, того самого, подданные которого в августе 1855 г. обстреливали русские батальоны. Потери Галицкого егерского полка за время его пребывания в Крыму составили 307 человек только убитыми. Учитывая, что Чернореченское сражение было единственным, в котором полк принял участие, можно утверждать, что это погибшие в нем. Если же добавить к этому числу раненых, которых было не менее чем в три раза больше (по самой скромной статистике Крымской войны), то полк потерял в этот день не менее 60% личного состава.

Дополнительным фактором, способствовавшим успеху французов, был их необычайно высокий моральный дух, который не смог поколебать даже неудачный штурм Севастополя.

Признаем, что он был в Крыму очень высоким. К сожалению, этого нельзя было требовать от русской армии, которую даже на смерть водили без привычного шелеста развернутых знамен над головами. По воспоминаниям командира батальона Одесского егерского полка князя Святополк-Мирского перед сражением на Черной речке они были оставлены в Се-

востопле. Нет возможности уточнить наличие таковых в Галицком полку, на этот счет свидетельства имеются самые различные, но в тоже время и о развевающихся знаменах сведений тоже нет. Но одно можно сказать точно – всю Крымскую кампанию русская пехота, начиная с Альмы, провела или при зачехленных полковых и батальонных знаменах (как при Альме) или вообще без них. Что стояло за этим: боязнь командования ко всем несчастьям войны потерять еще и полковые святыни или просто недооценка значения морального фактора – говорить сегодня сложно.

Правда, лет через 20 ура-патриотизм французов немного остудят немцы, менее эмоциональные, но достаточно понятно объяснившие им под Седаном об опасности последствий самоуспокоения и длительного почивания на лаврах победителей. Пруссаки отомстят французам за Альму при Сен-Прива и за Черную речку под Седаном. Командующему победителями – великому Мольтке, «с намеком» будет вручен орден Святого Георгия

– высшая русская военная награда. Заодно ее получит и австрийский эрцгерцог Альбрехт фон Габсбург, чья государственная позиция способствовала поражению Франции в войне с Пруссией. А до того, как получить высшую – I-ю степень награды, он же был удостоен ее IV-й и III-й степени, за то, что «примерно наказал» итальянцев при Кустоцце в том числе и за их участие в Крымской войне на стороне союзной коалиции. Конечно же, эти награждения носили в большей степени двусмысленный политический, нежели военный характер, но высочайший уровень наград, щедро розданных иностранцам, свидетельствует о стремлении Александра II осуществить месть за поражение в Крымской войне каждому, посмевшему оскорбить Россию. (60)

Действия Галицкого егерского полка заслуживают выделения в число наиболее интересных и значимых эпизодов сражения на Черной речке. Если с одной стороны русская пехота доказала традиционно свойственную ей стойкость под огнем, которую словами: «В

храбрости же и стремительности со стороны русских недостатка не было», – констатировал руководитель группы американских военных наблюдателей в Крыму капитан Мак Келлан, то с другой стороны, большие потери были вызваны неоправданными ошибками русского командования, не сумевшего правильно решить задачу атаки неприятельских укреплений на Черной речке и угодившего в подготовленную союзниками западню. Противник высоко оценил доблесть русских солдат в этот день. «Русские показали большое мужество и стойкость в деле, заранее обреченном на неудачу». (61)

Генерал А.Н.Куропаткин, говоря о причинах поражений русской армии в Крымской войне, указывая на роковые ошибки, вызванные целым комплексом проблем николаевской военной системы (управление, взаимодействие, согласованность), констатировал: «Но у нас была и сильная сторона: мы не боялись умирать и лишь просили указать нам для того точное место»

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Погосский А., Оборона Севастополя СПб, 1878 г., С.114
2. Кухарук А., Мнимый больной//Родина М., 1995 г., № 3-4, С.26
3. Эйдельман Н. «Революция сверху» в России// Наука и жизнь № 1, 1989 г., М., С.111
4. Орехов Д.В. Шарль Боше и его «Крымские письма»//Историческое наследие Крыма №6-7, Симферополь, 2004 г., С.62-97
5. Bazancourt, de, Cesar Lecat, L'Expedition de Crimee. La Prise de Sebastopol, Paris, P.398-399
6. Матвеев В., Негостеприимная Таврида. Сардинское королевство в Крымской войне, Севастополь, 2005 г., С.175
7. Кузьмин И., Описание участия 5-й пехотной дивизии в деле при р.Черной 4-го августа 1855 года, СПб, 1859 г. С.2
8. Там же, С.3
9. Там же, С.3
10. Там же, С.9
11. Там же, С.3
12. Там же, С.10
13. Тарле Е. В., Крымская война, в 2-х томах, М., 1941-1944 гг., С.
14. Кузьмин И., Описание участия 5-й пехотной дивизии в деле при р.Черной 4-го августа 1855 года, СПб, 1859 г. С.10
15. Описание обороны города Севастополя, под рук. Генерал-адъютанта Тотлебена, Ч.2, СПб., 1871 г., С.281
16. Le General Camou. Esquisse biographique. Pau, 1899, P.57-58
17. Bazancourt, de, Cesar Lecat, L'Expedition de Crimee. La Prise de Sebastopol, Paris, P.391
18. Описание обороны города Севастополя, под рук. Генерал-адъютанта Тотлебена, Ч.2, СПб., 1871 г., С.281
19. Кузьмин И., Описание участия 5-й пехотной дивизии в деле при р.Черной 4-го августа 1855 года, СПб, 1859 г. С.10
20. Там же, С.10
21. Там же, С.11
22. Там же, С.11
23. Драгомиров М., По поводу некоторых статей, вызванных последними двумя кампаниями//Военный сборник, № 12, СПб, 1872 г., С.264
24. Ульянов И.. Регулярная пехота 1801-1855, М., 1997 г., С.154
25. Там же, С.154
26. Кузьмин И., Описание участия 5-й пехотной дивизии в деле при р.Черной 4-го августа 1855 года, СПб, 1859 г. С.11
27. Там же, С.12-13
28. Там же, С.11
29. Орехов В.И., Письма, написанные из Крыма своей семье капитаном штаба Анри Луазьоном//Французская армия у стен Севастополя 1854-1856 гг., Симферополь, 2003 г., С.137
30. Воспоминания князя Святополк-Мирского, С.397
31. Эрр, Фредерик- Жорж, Артиллерия в прошлом, настоящем и будущем, М., 1941 г., С.218
32. Свечин А.А., Эволюция военного искусства, в 2-х томах, том II, М.-Л., 1928 г., С.26-27
33. Там же, С.26-27
34. Описание обороны города Севастополя, под рук. Генерал-адъютанта Тотлебена, Ч.2, СПб., 1871 г., С.281
35. Там же, С.281
36. Кузьмин И., Описание участия 5-й пехотной дивизии в деле при р.Черной 4-го августа 1855 года, СПб, 1859 г. С.13
37. Зайончковский А.М., Восточная война 1853-1856 гг.//История русской армии, М., 2004 г., С.146
38. Кузьмин И., Описание участия 5-й пехотной дивизии в деле при р.Черной 4-го августа 1855 года, СПб, 1859 г. С.18
39. Там же, С.13-14
40. Там же, С.13-14
41. Беляев Т., Боевой дальномер Ле-Буланже//Военный сборник, № 5, 1875 г., СПб., С.124-125
42. Там же, С.125
43. Описание обороны города Севастополя, под рук. Генерал-адъютанта Тотлебена, Ч.2, СПб., 1871 г., С.285
44. Bazancourt, de, Cesar Lecat, L'Expedition de Crimee. La Prise de Sebastopol, Paris, P.397
45. Обзор мнений по разным военным вопросам//Военный сборник, 1880 г., № 11., СПб., С.37
46. Le General Camou. Esquisse biographique. Pau, 1899, P.54
47. Там же, P.56-57
48. Там же, P.94-95
49. Свечин А.А., Эволюция военного искусства, в 2-х томах, том II, М.-Л., 1928 г., С.10-11
50. Кузьмин И., Описание участия 5-й пехотной дивизии в деле при р.Черной 4-го августа 1855 года, СПб, 1859 г. С.14
51. Там же, С.20-21
52. Пехота, кавалерия, артиллерия в бою и вне боя//Военный сборник, № 7, СПб., 1872 г., С.41
53. Орехов В.И., Письма, написанные из Крыма своей семье капитаном штаба Анри Луазьоном//Французская армия у стен Севастополя 1854-1856 гг., Симферополь, 2003 г., С.138
54. На службе Отечеству, М., 1997 г., С.114
55. Кузьмин И., Описание участия 5-й пехотной дивизии в деле при р.Черной 4-го августа 1855 года, СПб, 1859 г. С.15
56. Там же, С.16
57. Там же, С.16 -17
58. История западноевропейских армий. Под ред. проф. Н.Золотарева, М. 2003 г., С.147, 159
59. Кузьмин И., Описание участия 5-й пехотной дивизии в деле при р.Черной 4-го августа 1855 года, СПб., 1859 г. С.19
60. Шиканов В., К истории награждения высшей степенью ордена Св.Георгия//Цейхгауз, № 5, М., 1996 г., С.46-47
61. De Navacelle, Fabre.H., Precis des Guerres de la France de 1848 a 1885, Paris, 1890, P.112-113